

УДК 141

DOI: 10.17223/1998863X/40/12

В.И. Миллер

ФИЛОСОФСКОЕ ПОЗНАНИЕ СУЩНОСТИ И МНОГООБРАЗИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА И ГУМАНИЗМА

Право и гуманизм являются сложными явлениями социальной жизни, феноменами, сущностные аспекты и существование которых обуславливают друг друга. При раскрытии содержательных аспектов понятий «право» и «гуманизм» довольно трудно избежать эмоциональной насыщенности. Это осложняется многочисленными стереотипами и предрассудками, бытующими в сфере индивидуального и общественного сознания, согласно которым гуманизм отождествляется с прекрасодушием и утопизмом, неограниченным антропоцентризмом, а все многообразие права сведено к функции социального регулирования.

Ключевые слова: право, социальная философия, философия права, гуманизм, этика должностования.

Многочисленные попытки определения права и гуманизма связаны с преодолением целого ряда трудностей как объективного, так и субъективного характера. Существует потребность в переосмыслении «стандартных подходов, основанных на различии номинальных и реальных определений», так как «современный подход основывается уже не на анализе определения отдельных правовых понятий, но на оценке системы определений в целом» [1. С. 239].

Остановимся более подробно на определении права. Оно является формой социального бытия общества, в которой закреплена идея о том, что общественные системы нуждаются в сохранении своей целостности от внутренних и внешних разрушительных сил, основываясь на общепринятых нормах, на общечеловеческих гуманистических установках, право призвано регламентировать и регулировать существование цивилизованных сообществ, не только сохранять порядок в обществе, но и гарантировать свободу каждому человеку, отстаивать интересы как государства, так и личности.

Д.А. Керимов отмечал, что все многообразие права – это «система правовых норм, в которых конкретизируется общая воля государственно организованного господствующего класса по поводу определенного должного или возможного поведения людей» [2. С. 19]. В границах принятых правовых норм осуществляется процесс взаимодействия, обеспечивается координация действий субъектов в различных правовых ситуациях. Именно право проводит четкую границу между должным и необходимым и тем, что является недопустимым в той или иной правовой системе. В отличие от неформальных форм коммуникации повседневной ориентированности право имеет функциональный характер, так как с помощью правовых норм общественный порядок не только поддерживается «здесь и сейчас», но и передается от одних поколений к другим.

Интерес к осмыслению сущности и многообразия природы права наблюдается с древнейших времен на протяжении всей истории становления фило-

софского знания. Так, мыслители Античности рассматривали аспекты взаимодействия политики и законов, морально-нравственных и правовых норм в процессах становления и укрепления общественного порядка. С развитием древнеримского права возрастало число оценок складывающихся правовых норм, формирующих имперскую правовую реальность. С тех пор к вопросу определения содержательных оснований права в равной степени обращались и философы, и юристы, и правоведы, поэтому в настоящее время право характеризуется как сложное социально-философское, философско-правовое и юридическое понятие. Определение, которое представлено в Толковом словаре русского языка «право есть совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе» [3. С. 577], может быть дополнено тем, что нормы и правила должны быть гуманистически ориентированными.

Полагаем, что право неразрывным образом связано с гуманизмом. Проблема заключается в том, что само понятие «человеколюбие» постоянно ускользает от строгих границ научного определения. В первую очередь следует вспомнить, что истоки обнаруживаются в области этики и этикета. Уже в древнейших этико-философских учениях Востока уделялось значительное внимание необходимости следованию тем нормам и правилам, которые подчеркивают необходимость уважительного и бережного отношения к другим людям, подобно тому, какое мы ждем в отношении самих себя [4. С. 134].

И. Кант выделял принцип долженствования в качестве основания поведенческих моделей «делать добро другим людям по мере нашей возможности есть долг независимо от того, любим мы их или нет..» [5. С. 443–444]. Отталкиваясь от необходимости руководствоваться целополаганием потребностей и интересов другого лица, он призывал: «Делай своим ближним добро, и это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие (как навык склонности к благодеянию вообще)» [5. С. 444]. Тем самым признавая, что если гуманистические склонности не присутствуют в человеке изначально как врожденные качества, следует уделять особое внимание их формированию.

В своих работах И. Кант подчеркивал, что существует тесная взаимосвязь между поведением человека и существующими законами. Последние, в свою очередь, он воспринимал как производное от поведения каждого, полагая, что если добродетельность станет для людей важнейшей жизненной установкой, то можно будет говорить о том, что законы утратят свою актуальность, а им на смену придут «всеобщий закон» и «право гражданина мира». «Эта идея разума – идея мирной, хотя еще не дружеской, общности всех народов земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения, вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а правовой принцип» [5. С. 338–389]. Тем самым философ обосновывал взаимосвязь этико-гуманистической составляющей и правовой сферы, но с трансформацией этических идей в правовой принцип. В работе «Метафизика нравов» И. Кант подчеркивал ценность права как основания единения людей и устанавливал следующую дефиницию данного понятия: «Право – это совокупность условий, при которых произволение одного (лица) совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [5. С. 253].

Р.А. Бурханов, анализируя философское наследие И. Канта, писал: «Мораль, право представляют собой априорную форму внешних поступков людей, обусловленную априорной формой их внутренних убеждений» [6. С. 96]. Тем самым формирование внутренних побуждений человека остается в границах морали, тогда как право регламентирует добродетельность поступков, опираясь на правомочие принуждать. Тем самым право выступает социальной формой регулирования человеческого общежития, в которой воплощена идея о важности и необходимости ограждения себя от опасностей внутренних и внешних разрушений. «Общепринято понимать право как систему правил поведения. Действительно, чтобы право могло оказывать регулятивное воздействие на поведение людей, оно должно располагать необходимыми средствами. Эти средства социальной регуляции, будучи нормативной основой права, не только определяют границы должных и возможных индивидуальных поступков субъектов, но, в конечном счете, нацелены на упорядочение и совершенствование общественной жизни, внесение в нее организующих начал» [6. С. 293].

Следует подчеркнуть, что морально-нравственные установки обладают абсолютным ценностным характером, хотя не имеют силы закона, но при этом «человеку вменяется в обязанность добродетель (как моральная твердость)» [5. С. 439]. С самого раннего возраста общество направляет значительные усилия на то, чтобы ребенок осваивал границы должного, необходимого, правильного. В семье, в дошкольных и школьных учреждениях особое внимание уделяется воспитанию в подрастающем поколении гуманистически ориентированных морально-нравственных норм и установок, вне границ которых невозможно правовое образование. Современное общество критически оценивает распространяющиеся модели жестокого поведения по отношению к животным, маленьким детям, пожилым людям.

Еще один важный аспект правовой теории определен тем, что необходимо создавать нормативное пространство для творческой реализации индивида в обществе. В полной мере только общественная среда создает условия для самораскрытия собственных возможностей, осознания своей значимости и востребованности. Следует отметить, что сущность гуманистической теории неразрывным образом связана с осознанием уникальной творческой природы человека в социуме. Мы полагаем заслуживающим особого внимания определение Н.А. Бердяева, который указывал: «Гуманизмом я буду называть признание высшей ценности человека в жизни мира и его творческого призвания» [7. С. 180], а возвращение к истокам гуманистического принципа философ связывал с необходимостью позиционирования «творческой любви человека к человеку...» [7. С. 277]. Она осуществляется как способность противостоять собственным эгоцентрическим запросам и одновременно возрастающим требованиям современности: «Подлинная суть трактовки сверхчеловеческого отнюдь не в учреждении инстанции сиюминутного произвола и иррационального своеволия, которые в конечном итоге всегда оборачиваются метафизикой зла и inferнальности, несмотря на все упреждающие заявления о приостановке морали и морального ценностного суждения» [8. С. 83]. В процессе становления себя как творческой сущности человек всегда способен сделать неверный шаг, ложным образом интерпретировать себя и свое место в тотальности

бытия, тем самым прийти к самоовеществлению. Эта стадия не только сближения человека и вещи, уподобления себя, живого, неживому, но предательства по отношению к свободе творения. В этом расхождении природы человека и природы творчества правовой реальности укореняется возрастающая возможность отчуждения. «Люди, создающие правовые нормы, которые отступают от принципа гуманизма, не только сами погружаются в антигуманистическую правовую реальность, но и способствуют искажению формирующегося мировоззрения других людей» [9. С. 207].

Осознание того, что значимость гуманизма в современном обществе только возрастает, позволяет рассматривать его в качестве позитивного общечеловеческого идеала. Для этого подхода характерно изучение взаимосвязи русской религиозно-философской традиции с христианской православной и католической, поиск нового общественного идеала намечается в рамках обновленного религиозного сознания [10. С. 282–303]. Так, для поддержания стабильности и порядка необходимо опираться на средства добровольного характера, которые направлены преимущественно на содержательные элементы формирующейся культуры индивидуального правового сознания, при этом активизируются механизмы внутренней мотивации. В опоре на средства принудительного характера осуществляется воздействие правовых инструментов, которые не только имеют легитимную природу, но и отвечают критериям гуманизма. Так, по мнению И. Ильина, патриот и гражданин должен служить своей родине, а обязанность государства состоит в том, чтобы «обращаться с каждым гражданином как с духовно свободным и творческим центром сил» [11. С. 247]. В этом смысле идеальным государством будет то, которое вселяет в человека уверенность, создает условия творить по собственной, свободной инициативе.

Близким по смыслу к предыдущей позиции стало понимание гуманизма в качестве ориентира, направленного на совершенствование человека и общества [12. С. 11–17] в соответствии с идеалами равенства, свободы и справедливости. В свою очередь, мы согласны с мнением В.С. Нерсисянца, что «каждой ступени в историческом развитии свободы и права присуща своя юридическая концепция человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе» [13. С. 142]. Ю.Хабермас писал о том, что «эта моральная зараженность права есть результат конституционных революций XVIII столетия. Тот, кто пытается нейтрализовать данное напряжение, покушается на само динамичное восприятие существующего...» [14. С. 76]. Сказанное означает, что свобода и справедливость как свойства правовой сущности входят в понятие права, возможны и выразимы лишь в правовой форме. В семантической форме наблюдается соединение элементов необходимости и свободы, долженствования и необходимости действия как усвоенного знания, а статичность содержательно-смысловых характеристик норм обусловлена динамикой социокультурного контекста, внутри которого она пребывает. Норма права, обладая знаковой формой, способна хранить обширное формализованное социальное знание. Предлагая должную модель поведения, норма не прописывает особенность обстоятельств ее реализации, а свобода индивида прослеживается в принятии различных возможных решений, в выборе средств по

реализации поставленных целей в границах очерченного нормами правового пространства. Свобода выбора, которую осуществляет человек, отражает весь драматизм его человеческой природы: «Люди как люди...ну, легкомысленны...ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца» [15. С. 98].

Гуманизм может рассматриваться как ядро гуманитарного процесса, постоянно усложняющегося по мере развития человеческого сообщества. В рамках данного подхода обосновывается сложность эволюции гуманитарного потенциала в отдельных культурах, а также действенность диалога различных культур в накоплении гуманитарного опыта [16. С. 45–46]. Если вспомнить историю становления античной философии, то огромную роль в процессе воспитания греков играла пайдейя. Эпоха Античности была ориентирована на свободную гражданскую личность, все граждане, принимавшие участие в жизни полиса, начинали восприниматься как подобные (*homoioi*), а затем более абстрактно – как равные (*isoi*). В политическом плане граждане считались взаимозаменяемыми единицами одной системы, ведущей нормой которой являлось равенство. В культурной практике Древней Греции субстанциональными началами антропоцентризма выступали образы-типы: героя, философа-теоретика, которые выступали истинными носителями идеи гражданина, противопоставляя себя негражданам; в своей совокупности они характеризовали собой многогранную палитру человеческих качеств, но в большей степени, осуществляли оценку социальной роли индивида. Неслучайно, древнегреческие мыслители в обращении к человеку, уделяли значительное внимание не только его внутренней жизни, но и призванию, образу жизни и жизненному пути.

Представленная нами далеко не полная классификация позволяет сделать вывод о том, что гуманизм – это своего рода силовое моральное и интеллектуальное поле, сдерживающее многоаспектные потоки социально-культурных устремлений; базисная категория, объединяющая в единое пространство открытую систему базовых человеческих ценностей. Широкое понимание гуманизма, связанное с интегральными характеристиками человека, общества и культуры, охватывает ценности свободы *личности* и человеческого *блага* в самых различных аспектах их исторического и жизненного роста. И тогда каждый вектор возможного мировоззрения, идеологии или общественной практики способен получить свое особенное *гуманистическое измерение*.

Как известно, в широком смысле гуманизм – это исторически меняющаяся система воззрений, признающая *самоценность* человека, его право на свободу, счастье, развитие своих способностей. Это культурная парадигма, в которой *благо человека* является критерием оценки деятельности социальных институтов, а человечность, справедливость и равенство – принципами (или, по крайней мере, желаемой нормой) отношений между людьми [16. С. 250–256].

Гуманизм – это мировоззрение, согласно которому человек рассматривается как уникальная ценность, как личность, обладающая правом на счастье, которое достигается в свободном развитии и проявлении своих «плодотворных ориентаций» (Э. Фромм) и способностей, в активном и ответственном участии в социальной жизни. Но в то же время гуманизм – это и духовно-

философское течение, и культурно-историческая традиция, и государственная идеология, когда забота о человеке провозглашается высшей ценностью социально-политических интересов.

Есть еще одна важная область, которая объединяет сферу права и гуманистическое мировоззрение, – это правосознание. И. Ильин писал о том, что человечество переживает кризис правосознания, что обуславливает непрочность правопорядка, «когда большие и малые государства стоят перед возможностью крушения и распада» [11. С. 218]. Любая общественная система и прошлого, и современности не может функционировать вне процессов, направленных на формирование правовой культуры и правосознания. Если понимать правосознание как основу ориентации в сфере правовой реальности, то можно утверждать о том, что существуют следующие формы правосознания: насильственно навязываемая, завуалированно навязываемая, истинно субъектно-активная. Подобная классификация носит условный характер, но позволяет нам продемонстрировать взаимозависимые связи между человеком и обществом, сознанием индивида и проводимой современной политикой.

Первая предполагает, что нормы права могут выступать как противоречащие его изначальным установкам, но, опасаясь определенного рода наказаний, человек приспособливает свои действия к существующим требованиям. Подчеркнутая позиция главенства закона по отношению к отдельному человеку прослеживается, например, в теории законников, или легистов, где страх подвергнуться наказанию обуславливал поведение не только индивида, но и семью и даже род. Применение изощренной практики наказаний не выступало эффективным механизмом выработки должного поведения, поскольку не было ориентировано на свободу выбора и принятия правовых норм.

Вторая форма правосознания отличается тем, что нормы глубоко интегрированы в индивидуальное бессознательное, так что человек может полагать их своим внутренним выбором. В результате может сложиться впечатление политической и правовой активности индивида в ситуациях, где он лишен самого главного – свободы выбора. В данный момент практика внедрения подобных правовых норм отрабатывается на моделях формирующегося детского и юношеского мировоззрения, когда навязываемые ценности должного и модного пропагандируются как тождественные.

В третьей форме подчеркивается осознанная позиция осмысления и принятия правовых норм, ценностей, установок, которые не противоречат общечеловеческим гуманистическим ценностям и направленности на благо человека. Проблема заключается в том, что на практике вторая форма подменяет собой третью, при этом активность субъекта права возникает лишь время от времени. В этом случае автономия правосознания проявляется в свободе от социального принуждения, а законопослушное поведение опирается на «предправовые» уровни нормативной саморегуляции морально-нравственного характера, создается такая ситуация, будто правосознание законодательствует, определяя для себя модели должного социального поведения. Тем самым активность человека в процессе формирования и принятия правовой реальности может быть недостаточно высокой.

Правосознание неразрывным образом связано с гуманистическими установками, которые лежат в основе всех последующих оценок сформированной

системы права социальными субъектами. Объективность данных оценок складывается в результате столкновений существующих интересов как индивидов, так и социальных групп, а также обусловлена постановкой определенных целей, которые выстраиваются в иерархическую цепочку. В этом смысле право гарантирует гражданам некое пространство для реализации тех возможностей, которые не вступают в конфликт с законодательными нормами, одновременно оно отражает степень сформированности того или иного уровня правосознания. И.А. Ильин писал о том, что «право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания» [11. С. 234]. Тем самым правосознание выступает сложным духовным организмом, который наличествует у каждого человека, поскольку он не существует вне правового поля, в свою очередь, правовые установки регламентируют основы его общественной жизни. Даже в те моменты, когда человек склоняется к совершению поступков, отступающих от правовых норм, и совершает преступления, мы не можем утверждать, что у него отсутствует правосознание, скорее это будет указывать на ложность нравственно-ценностных ориентиров, искаженность правовой картины мира. В целом, правосознание еще и выражает системность и глубину осмысления правовой реальности, сформированность структурных единиц личностного развития или правовой ментальности. В содержательном смысле правосознание есть единство чувств и настроений, характеризующее отношение как к существующему, так и к желаемому праву; это осознание нормы, проявленной в поведенческой модели индивида с точки зрения его прав и обязанностей, соблюдения закона или отступления от него.

Сейчас вполне правомерно утверждать, что возникшие в начале века попытки сформировать целостное направление – секулярный гуманизм – не получили должного развития в качестве самостоятельной области гуманитарного знания. Однако сам факт обращения к проблемам гуманизма в сочинениях П. Куртца заслуживает особого внимания. Он ввел термин «европейская практическая философия» [17. С. 68], подчеркивая необходимость практической реализации всего комплекса гуманистических установок, в том числе в области права. Философское направление евпраксофия было представлено гуманистической теорией, этикой гуманизма, историей гуманизма, психологией гуманизма, политологией гуманизма. Большое внимание при этом уделяется этике гуманизма: она понимается как особая форма общественной практики человека, а ее основная теоретическая задача видится в обосновании реальности, практической осуществимости принципа гуманности [18. С. 123].

Кроме того, европейская практическая философия гуманизма имеет основания для рассмотрения ее как интегративной области знаний, поскольку опирается на основные положения и результаты исследований ряда наук. Непосредственную связь она обнаруживает с гуманитарной отраслью, прежде всего – с философией, а также биологическими теориями о генетических программах человека и животных, механизме и ходе эволюции и пр. Большое значение, в частности, приобретают достижения социобиологии, раскрывающие глубинные корни антигуманизма. Основными направлениями совре-

менных исследований в области философии гуманизма можно признать следующие: изучение культурного наследия, религиозных и философских систем и концепций, включающих категорию гуманизма в качестве важнейшего элемента их содержания; анализ и оценка культурного опыта, современного состояния сфер общественной жизни, критерием которых является гуманизм; исследование в области теории гуманизма, освещение и анализ имеющегося опыта применения гуманизма.

Если придерживаться такого классификационного деления, как религиозный и секулярный гуманизм, то можно выделить ряд противоречий в подходах к процессу формирования правосознания индивида. В основание религиозного положен тезис о ценности религии как неперемennого условия воспитания правовой культуры. Прежде всего, вспоминаются заповеди о неперемennom принятии ближнего как самого себя и об условии не навредить интересам другого лица. Религия становится призмой осмысления правовой реальности. В этом смысле секулярный гуманизм подчеркивает роль философско-правового знания, которое изучает вопрос о длительности эволюции естественного и положительного права как свидетельства того, что само общество пришло к идее главенства гуманизма в праве. В качестве проектов преобразования общества и области права предлагались следующие: отделение церкви от государства, формирование критического научного мышления в рамках современного образования.

Мы согласимся с тем, что современная картина мира характеризуется не столько проблемой обоснования гуманистических ценностей, сколько пониманием необходимости сознательно практиковать идеи гуманизма в различных сферах политико-правовой жизни. При этом имеет право на существование как религиозный, так и секулярный гуманизм, представляющиеся нам двумя противоположными крыльями одного явления. В зачатку противополжных и резких замечаниях в отношении друг друга главное не утратить главенствующую установку гуманного отношения.

Литература

1. *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Питер Хакер об определении в юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 238–247.
2. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права: монография. М.: Современная гуманитарная академия, 2003. 524 с.
3. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. *Миллер В.И.* Осмысление сущности феномена «право» в гуманистической традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 133–141.
5. *Кант И.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6: Религия в пределах только разума; Метафизика нравов / под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. 612, [1] с.
6. *Бурханов Р.А.* Практическая философия Иммануила Канта. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 191 с.
7. *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения: СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1996. 384 с.
8. *Петренко В.В.* Нигилизм как вектор индивидуализации в философии и культуре новейшего времени // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 3 (11). С. 80–85.

9. Миллер В.И. Антропологический дефицит права и проблема гуманизма в западноевропейской экзистенциальной философии XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. С. 204–211.
10. Оболенская С.В. Русские и европейцы // Одиссей. Человек в истории. 1998. М.: Наука, 1999. С. 282–303.
11. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 1. 400 с.
12. Долгов К.М. Гуманистические ценности культуры и свобода личности // Гуманистические ценности современной культуры. М., 1988. С. 11–17.
13. Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. для студентов вузов юридических специальностей. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2006. 835 с.
14. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / пер. с нем. Э.Ю. Соловьева // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 66–80.
15. Булгаков М.А. Избранное. М.: Просвещение, 1991. 384 с.
16. Джалалов А.М. Всестороннее развитие человека и проблемы гуманизации общества: дис. в форме науч. докл. ... д-ра филос. наук. Ташкент, 1991. 56 с.
17. Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма / пер. с англ. И. Кувакина; ред. В.А. Кувакин // Здравый смысл: Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. М.: РГО, 2002. 222 с.
18. Куртц П. Светский гуманизм и политика: в каких случаях мы высказываемся? / пер. с англ. А. Круглова; сост. В.А. Кувакин // Здравый смысл: Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. М.: РГО, 2005. № 4. С. 14–20.

Veronika I. Miller. Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation)

E-mail: econom_law@surgpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/40/12

PHILOSOPHICAL COGNITION OF THE ESSENCE AND DIVERSITY OF THE NATURE OF LAW AND HUMANITY

Key words: law, social philosophy, philosophy of law, humanism, ethics of obligation

Law and humanism are complex phenomena of social life, phenomena, essential aspects and the existence of which determines each other. The process of becoming a legal theory of the past and present are defined by the development of the principle of humanism. If the field of the right to remove humanistic installation, the law will become anti-humanistic orientation. In the case where the humanistic theory is viewed in isolation from the practical sphere of law, we can speak about a crisis of humanism because, in this case, he remains a pure abstraction. The disclosure of substantive aspects of the concepts of "right" and "humanism" is pretty hard to avoid emotional intensity. This is complicated by the numerous stereotypes and prejudices existing in the sphere of individual and social consciousness, according to which humanism is identified with the idealism and utopianism, unlimited anthropocentrism, and the variety right is reduced to the function of social regulation.

References

1. Ogleznev, V.V. & Surovtsev, V.A. (2017) Peter Hacker on the definition in jurisprudence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 238–247. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/26
2. Kerimov, D.A. (2003) *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of the philosophy of law]. Moscow: Sovremennaya gumanitarnaya akademiya.
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
4. Miller, V.I. (2017) Understanding of the essence of the phenomenon "law" in the humanistic tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 39. pp. 133–141. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/39/14
5. Kant, I. (1994) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 6. Translated from German by A.V. Gulyga. Moscow: Choro.
6. Burkhanov, R.A. (1998) *Prakticheskaya filosofiya Immanuila Kanta* [Practical philosophy of Immanuel Kant]. Ekaterinburg: Ural State University.

7. Berdyaev, N.A. (1996) *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* [Truth and revelation. Prolegomena to the Criticism of Revelation]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.

8. Petrenko, V.V. (2013) Nihilizm kak vektor individualizatsii v filosofii i kul'ture noveyshego vremeni [Nihilism as a vector of individualisation in the philosophy and culture of modern times]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 3(11). pp. 80–85.

9. Miller, V.I. (2017) Antropologicheskiy defitsit prava i problema gumanizma v zapadnoevropeyskoy ekzistentsial'noy filosofii XX veka [Anthropological deficiency of law and the problem of humanism in the West-European existential philosophy of the 20th century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke – Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 6. pp. 204–211.

10. Obolenskaya, S.V. (1999) Russkie i evropeytsy [Russian and Europeans]. In: Gurevich, A.Ya. et al. *Odyssey. Chelovek v istorii. 1998* [Odyssey. Man in history. 1998]. Moscow: Nauka. pp. 282–303.

11. Ilin, I.A. (1994) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works. In 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkaya kniga.

12. Dolgov, K.M. (1988) Gumanisticheskie tsennosti kul'tury i svoboda lichnosti [Humanistic values of culture and personal freedom]. In: *Gumanisticheskie tsennosti sovremennoy kul'tury* [Humanistic values of modern culture]. Moscow: [s.n.]. pp. 11–17.

13. Nersesyants, V.S. (2006) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. 2nd ed. Moscow: NORMA.

14. Habermas, J. (2012) Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka [The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights]. Translated from German by E.Yu. Soloviev. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 66–80.

15. Bulgakov, M.A. (1991) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Prosveshchenie.

16. Dzhalalov, A.M. (1991) *Vsestoronnee razvitie cheloveka i problemy gumanizatsii obshchestva* [Comprehensive human development and the problems of humanisation of society]. Philosophy Dr. Diss. Tashkent.

17. Kurtz, P. (2002) *Zapretnyy plod. Etika gumanizma* [The forbidden fruit. Ethics of humanism]. Translated from English by I. Kuvakin. Moscow: RGO.

18. Kurtz, P. (2005) *Svetkiy gumanizm i politika: v kakikh sluchayakh my vyskazyvaemsa?* [Secular humanism and politics: in which cases we speak?]. Translated from English by A. Kruglov. Moscow: RGO. pp. 14–20.